

Марина Эльденберт

ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА
ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. ПЛАМЯ В ТВОИХ РУКАХ
ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ
ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА
ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. НЕБЕСА В ОГНЕ
ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. ЗВЕЗДЫ ПАДАЮТ В НЕБО
ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. НЕБО ДЛЯ ДВОИХ
МЯТЕЖНИЦА
СКРЫТЫЕ ЧУВСТВА
ЗАКЛЯТАЯ НЕВЕСТА

В соавторстве с Валерией Черновановой

МЕЖМИРОВАЯ НЯНЯ, ИЛИ АЛМАЗНЫЙ КОРОЛЬ И Я
МЕЖМИРОВАЯ НЯНЯ, ИЛИ ЛЮБОВЬ ЗЛА, ПОЛЮБИШЬ И КОРОЛЯ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Марина Эльденберт

Танцующая для дракона.
Небо для двоих

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2020
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Э53

Серия основана в 2011 году
Выпуск 537

Художник
Е. Никольская

Эльденберт М.

Э53 Танцующая для дракона. Небо для двоих: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 441 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3078-9

Моя жизнь — отражение истории Теарин Ильеррской. Этой женщине понадобится вся ее сила, чтобы пережить побег из Даармарха и справиться с чувством, которое сжигает ее изнутри. Мне предстоит то же самое, вот только моим спасением станут съемки. Я расскажу историю Теарин такой, как я ее чувствую. Историю о том, можно ли забыть дракона, чье пламя бьется в тебе как свое собственное. Историю о том, можно ли убежать от себя.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3078-9

© Марина Эльденберт, 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ГЛАВА 1

Зингсприд, Аронгара

— Я не Джерман Гроу...

— Это уж точно, — хмыкнула Гелла.

Кажется. Я вообще ни в чем не была уверена, а смутное ощущение нереальности происходящего с каждой минутой только усиливалось. То ли потому, что я не выпалась, то ли потому, что на месте девицы в косухе должен был стоять он. Это он должен был говорить, что Ильеррская возвращается и что мы снимем крутой фильм. Это он должен был рассказать, что у нас дорабатывается сценарий и что сверху дали добро на съемки без цензуры, то есть вплотную по архивам Ильеррской.

Но его не было, впрочем, и Сибриллы тоже.

Еще не было Ленарда.

Зато были все остальные, и на этом я безуспешно пыталась сконцентрироваться.

— Но я горю этой историей так же, как вы все, — сказала она. — Я знаю, что такое смена режиссера, и представляю, какие чувства это может вызвать.

— Серьезно? — поинтересовалась Гелла уже громче.

Девица спокойно встретила ее взгляд.

— Серьезно. Особенно учитывая, что на режиссерский я поступила после его постановки «Горячее только звезды».

Можно я уже пойду, а?

Нет, новый режиссер не вызывала во мне раздражения, скорее наоборот. Она не пряталась за спиной Гайера, когда он ее представлял, да что там, она вообще не пряталась, обо всем говорила в открытую. Из-за чего кисломордие начальства-в-розовом-трико становилось еще более ярко выраженным. На самом деле я смутно представляла себе, когда на этой физио-

номии появляется довольное выражение. Разве что во время оргазма, и то не факт. Впрочем, может, у него его просто давно не было, и в этом как раз проблема.

— Я обещаю сделать этот фильм крутым. Гораздо круче, чем мы можем себе представить, — произнесла она. — И сделаю для этого все, что в моих силах. Мы сделаем это вместе.

Тишина после ее слов была давящей и неправильной. Наверное, именно в этот момент я отчетливо вспомнила представление Джельза или как-его-там, который потом истерично орал на меня в гримерной. Эта истерично орать не будет, но никому не будет легче, если на площадке между режиссером и группой раскинется пропасть. Поэтому я поднялась первой и сказала:

— Сделаем.

Потом я как во сне вспоминала, что по залу пронеслась волна голосов, и вслед за мной поднялись остальные. Что когда я уже шла к выходу, она меня догнала.

— Спасибо, Танни.

Голос у нее был низкий и хриплый, гораздо ниже, чем обычный женский. Светлые (крашенные, это заметно) коротко стриженные волосы и падающая на лоб челка контрастировали со смуглой кожей и глубоко посаженными большими глазами. Очень темными. Кажется, она родилась в Лархарре (об этом говорил Гайер во время представления).

— Не за что, — ответила я, для себя отметив уголок пачки сигарет, торчащей из кармана ее куртки.

А в себя пришла уже на побережье, бездумно валяющаяся на песке пустынного городского пляжа, глядя в залитое солнцем небо. Совсем неподалеку располагался отель, с которого началось мое знакомство с Зингспридом, и мне почему-то отчаянно хотелось вернуться в то время. Когда я считала, что расставание с Миком — это полный край.

Что я тогда знала о полном крае.

Поскольку смотреть на солнце было достаточно больно даже через очки, я закрыла глаза и открыла их только тогда, когда свет заслонила тень.

— Я не особо горю желанием тебя видеть, — сказала я.

— Я знаю, — сказал Тергран и сел рядом со мной.

— Ты вообще спал?

— Танни интересуется моим самочувствием. Это катастрофа.

Я ударила его в бедро. Без особого, впрочем, энтузиазма.

— Иногда стоит признать, что катастрофа случилась, — произнес он. — Чтобы ее пережить.

— Ты учился на психолога, но что-то пошло не так?

Он усмехнулся:

— Даже не сомневался, что ты так скажешь.

— Ну, я вообще предсказуемая, — хмыкнула я.

И снова закрыла глаза, чтобы услышать:

— Ты самая непредсказуемая из всех, кого я когда-либо знал, Танни.

Прозвучало это как-то слишком глубоко, что ли. Поэтому пришлось в срочном порядке глаза открывать.

— Мне не нужна помощь, ясно?

— Ясно.

— Вот и отлично. Так что давай ты просто свалишь?

— А ты просто продолжишь лежать?

Вот теперь я по-настоящему разозлилась. Настолько разозлилась, что села чересчур резко, взметнув фонтанчик песка.

— У меня есть право лежать, где я хочу, сколько хочу и когда хочу. А если тебе нечем заняться, позвони своей девушке, она скучает.

— У меня нет девушки.

— Так заведи. Всяко лучше, чем меня доставать.

— Ответ в стиле моей младшей сестренки.

Ну, все.

Я вскочила, отряхивая джинсы.

— Пойдешь за мной, попрошу вальцгардов, чтобы они утопили тебя в океане.

— Актуально, учитывая, что я старше их по званию.

Он поднялся, возвышаясь надо мной: возможно, не в тему, но я только сейчас, стянув очки, заметила, что глаза у него ближе к светло-голубому, чем к серому. Эти вкрапления серого делали их чуть холоднее, чем они могли бы быть (по крайней мере, мне так показалось).

— Что тебе вообще от меня нужно? — прошипела я. — С информационной безопасностью уже все в порядке? По музеям пройдишь, воздухом подыши. Позагорай, а то больше напоминаешь тень начальника службы безопасности, чем иртыхана.

Спиной чувствовала его взгляд, пока шла до парковки. Если сопровождающие меня вальцгарды и имели какое-то мнение на этот счет, они благоразумно предпочли оставить его при себе, я же плюхнулась на заднее сиденье и назвала водителю адрес органов социальной опеки, где мне предстояло бить-

ся за Ленарда (у них как раз сегодня приемные часы после обеда).

Флайс поднялся по рукаву, но на стремительно уменьшающегося Терграна, тоже приближающегося к парковке, я даже не взглянула.

«Пожалуйста, выберите тему вашего обращения», — вежливо обратился ко мне информатор.

Я выбрала: «Решение вопроса об опеке над несовершеннолетними».

«Вы тридцать седьмая в очереди».

Какая?!

«Пожалуйста, возьмите карточку и...»

В руки мне выплюнули пластиковый жетон со штрихкодом.

— Сжуйте ее, — добавила я.

На карточке сообщалось, что ожидать мне следует в зале номер четыре и что меня вызовут в порядке очереди.

— Дракон меня задери, — вырвалось у меня, когда мы с вальцгардами вошли в зал номер четыре.

Все тридцать шесть до меня (ну ладно, может, двадцать шесть, остальные уткнулись в свои гаджеты) уставились на нас так подозрительно, как будто я вошла с транспарантом: «Сестра первой леди идет без очереди».

— Ребят, кажется, вам придется постоять, — сказала я, окинув взглядом зал.

Он был достаточно большой, к ячейкам сотрудников, отделенным стеклянными матовыми перегородками, доступ перекрывали турникеты. Большинство стульев были заняты, свободным оставался только один, в тени какого-то не сильно хорошо чувствующего себя цветка в кадке.

Кондиционер здесь, судя по всему, сломался: все окна были распахнуты настежь, но легче от этого не становилось. Зингс-придская духота забиралась в каждый уголок, и, если честно, я понимала, почему цветку стало нехорошо. Гора пластиковых стаканчиков в мусорных корзинах и почти пустой кулер намекали на то, что надо налить себе воды как можно быстрее, иначе ее просто-напросто не останется.

Разобравшись с этим вопросом, я все-таки направилась к стулу и цветку, вальцгарды потопали за мной. Наша компания и здесь вызвала ажиотаж, некоторые даже из смартфонов и планшетов вынырнули, дабы проследить за эффектным трио.

— Доставайте опахала, мальчики, — сказала я под каким-то уж совсем злоющим взглядом одной тетки.

Она поджала губы и отвернулась, а я вылила остатки воды в цветочек.

— Пей, малыш.

Один из вальцгардов кашлянул и кивнул на табличку: «Цветок не поливать». Я пожалала плечами и плюхнулась на потертое сиденье, потому что стоять здесь еще неизвестно сколько совсем не хотелось. Можно было бы почитать архивы Иллерской, но мне стало лень. Поэтому я написала сообщение Ленарду:

«Сiju в очереди по нашему вопросу».

«Круто! — тут же пришел ответ. — А эта меня сегодня не пустила на собрание».

«Да я уже поняла. Она против съемок?»

«Не представляю. Гайер позвонил рано утром с какой-то радости ей, но она мне так ничего и не передала, кроме того, что намечается возвращение проекта. Сказала, что все решит сама».

Вот прицка драная.

Этого я, разумеется, писать не стала.

«Озвучь ей размер неустойки, она сразу же передумает».

Ленард прислал злорадный смайлик. И следом:

«Судя по тому, с какой мордой она провожала меня в школу, размер неустойки ей озвучил Гайер».

Электронная система озвучила сразу несколько номеров, и я подняла голову. До моего еще оставалось ждать и ждать, поэтому я вернулась к переписке.

«Хорошо, когда что-то побуждает снова взвесить свои решения».

«Это точно. Напишешь, как все решится?»

«Обязательно».

«Пойду уроки делать. Пока есть такая возможность».

«Давай. Удачи».

Отправив Ленарду вдохновляющий смайлик, откинулась на спинку кресла, глядя на растрескавшийся дисплей. Надо будет стекло заменить, что ли. Потому что пусть даже я уже начала привыкать писать на нем сообщения, перед глазами все равно стояло лицо Гроу. А в ушах звучал его голос: «Мы расстаемся».

Да чтоб тебя!

Я сунула «Верт» в карман, подняла голову и поняла, что сделала это зря. Четыре плазменных экрана, объединенных одним кронштейном (чтобы смотреть было удобно всем посетителям), показывали новости из Ферверна. То есть подозреваю, что все они показывали новости из Ферверна, это я видела только один, но мне хватило. На экране Гроу (со стильно растрепанными волосами) в костюме (упасть не встать) шел к флайсу. Бегущая строка сообщала, что Фертран Гранхарсен по-прежнему в коме и что его единственный сын принял на себя все дела и обязательства отца.

На этой оптимистичной ноте чей-то смартфон завыл голосом Сибриллы.

Да, ожидание будет веселеньким.

Привалившись к спинке стула, такой же потертой, как сидуха, я сползла пониже, вытянула ноги и закрыла глаза. Очнувшись от того, что вальцгард тряс меня за плечо.

— Эсса Ладэ, вас вызывают.

Подхватив сумку, я поспешно направилась к турникету и в этот момент поняла, что карточки у меня в руках нет. Электронная система повторила мой номер, и я вскинула руку:

— Я здесь! Сейчас!

После моего вопля успевшие подтянуться в очередь посмотрели на меня крайне неодобрительно. Я же метнулась обратно к цветку. Место уже было занято грузным мужчиной из вновь прибывших.

— Извините. Минуточку. — Я опустила на колени, отодвинула его ноги в сторону и заглянула под кресло, но карточки там не было.

Ее вообще нигде не было, в этом я убедилась, перекопав сумку от и до. В ту минуту, когда я уже готова была ругаться страшными словами, рука автоматически нащупала смартфон, а под ним наблов пластик.

Ы-ы-ы.

— Извините. Простите. — Продравшись через вызванных уже после меня (к счастью, в другие ячейки), приложила пропуск к турникету и ворвалась в коридорчик, ведущий к рабочему месту сотрудника, с которым мне предстояло общаться.

— Добрый день!

Сотрудник оказался сотрудницей, на первый взгляд чуть старше меня. Женщина с собранными в пучок волосами и легким дневным макияжем, подчеркнутым черты ее круглого лица, посмотрела на меня снизу вверх.

— Добрый день. Присаживайтесь.

Я села и достала документы.

— Я здесь по вопросу Ленарда Харинсена... точнее...

— Точнее?

— Я хочу стать опекуном Ленарда Харинсена. Его родители погибли во время налета.

— Вы уже обращались по этому вопросу ранее?

— Нет, но...

— Ваши документы, пожалуйста.

Я протянула ей карточку, которую она считала по штрих-коду. Если меня и узнали, то никоим образом этого не показали.

— Минуту.

Женщина уткнулась в монитор, пальцы запорхали по мягкой клавиатуре.

— Эсса Ладэ. — Она внимательно на меня посмотрела. — Вижу, что вы уже принимали на себя ответственность за этого мальчика сразу после налета. Но если вы интересуетесь вопросом Ленарда Харинсена, вы наверняка должны знать, что его опекуном изъявила желание стать ближайшая родственница.

— Да, но эта женщина не готова стать опекуном.

— А вы, разумеется, готовы? — Женщина покачала головой. — Поймите меня правильно, это самый благоприятный расклад.

— Для кого? — поинтересовалась я. — Для кого это благоприятный расклад? Для мальчика, который потерял родителей, на интересы которого этому «благоприятному раскладу» просто начхать?

— Подростки не всегда в состоянии правильно расставить приоритеты.

— Да вы что?!

Она приподняла брови, и я поспешила добавить:

— Она собиралась увезти его из города, хотя здесь все, чем он дорожит. Здесь навсегда останутся его родители, здесь его друзья. У него вот-вот начнутся съемки... его родители подписали контракт, Ленард хочет стать актером, но ее это совершенно не волнует. Она даже не отпустила его сегодня на общую встречу в студию. — Все это я произнесла ровно, изо всех сил стараясь держать себя в руках. Если я хочу чего-то добиться, сейчас не лучшее время, чтобы показывать характер.

На миг в ее глазах мелькнуло понимание, но потом она все-таки покачала головой:

— Как бы там ни было, эсса Ладэ, я ничем не могу вам помочь. Когда такое происходит, я имею в виду, когда о желании воспитывать лишившегося родителей подростка заявляет ближайший родственник, мы всегда идем навстречу именно ему. У эссы Мэрдсток безупречная репутация, и она вполне способна обеспечить своего племянника за свой счет.

Или себя за его счет.

— Я хочу стать его опекуном, — повторила я. — Что мне для этого нужно сделать?

— Боюсь, ничего, — сказала она.

Ничего?!

— Если только Ленард Харинсен не откажется от ее опеки.

Я пристально посмотрела на нее.

— И еще, эсса Ладэ. Запишитесь в ближайшее время в школу для приемных родителей. В Зингсприде их несколько, но я бы посоветовала ту, что на Вейстфер-стрит.

— Куда?

— В школу для приемных родителей. — Сейчас я впервые обратила внимание на ее бейдж и имя: Мартина Кворенсон. — Это обязательное условие для получения опеки, а впоследствии для усыновления или удочерения ребенка, о котором вы хотите заботиться. К тому же обучение подтвердит серьезность ваших намерений и докажет, что вы действительно обстоятельно подходите к этому вопросу.

— На ближайших родственников это правило, я так понимаю, не распространяется?

— Нет. Но вы должны понимать, что это займет время и что это время Ленарду Харинсену все равно придется жить с эссой Мэрдсток, либо он попадет в семью, которая будет временно о нем заботиться. Так что взвесьте все за и против, прежде чем примете окончательное решение.

Я поднялась, взяла сумку.

— Спасибо, Мартина.

— Не за что. — Она улыбнулась. — Удачи, эсса Ладэ.

Удача мне определенно благоволила — я успела записаться на новый набор в школу приемных родителей. Выяснилось, что нам предстоит четыре месяца интенсивных занятий по выходным, но чему меня там будут учить, я пока не представляла. Занятия начинались в конце следующей недели, за эту я успе-

ла относительно обставить квартиру: в моей комнате появились кровать, рабочий стол и кресло, а в гостиной — диван. Все остальное, ну или почти все, было заказано и согласовано с владельцем квартиры. Нетронутой осталась только комната Ленарда, хотя ее мне тоже предстояло обставлять. Потому что, как выяснилось (на специализированных форумах можно выяснить много всего интересного), социальные службы обязательно наведаются ко мне в гости, чтобы посмотреть на условия проживания ребенка.

К слову, с «ребенком» мы все обсудили. Я рассказала ему обо всем, о чем рассказали мне, и Ленард сообщил, что готов потерпеть тетку несколько месяцев, но не несколько лет во Флангстоне. От ее опеки он отказался, после чего эсса Мэрдсток набрала меня и высказала все, что обо мне думает: что я избалованная сестрой никчемность, что я испорчу ее племяннику жизнь и что так просто она мне его не отдаст. Завершалась эта гневная тирада обещанием заставить меня пожалеть о том, что я вообще во все это вязалась.

Наверное, не случись в моей жизни Гроу, в смысле расставания с Гроу, а заодно осознания, насколько хрупкими могут быть отношения с близкими, я бы отреагировала гораздо более эмоционально. Теперь же просто пожелала ей всего самого наилучшего, отключилась и пошла делать себе кофе.

Кофе, кстати, у меня получался все лучше и лучше. То ли я перешагнула какой-то некофейный рубеж в своей жизни, то ли что-то еще, но факт оставался фактом. После первого глотка мне уже не хотелось сморщиться и выплюнуть все в раковину, даже несмотря на то, что я отказалась от кофемашины и варила его в гейзерной кофеварке. Благо время у меня пока было.

У меня вообще нарисовалось подозрительно много свободного времени (пока в срочном порядке дорабатывался сценарий), но я забивала его всем, чем только можно. Например, выбирала жалюзи для комнаты Ленарда (точнее, мы выбирали их вместе). Я сбрасывала ему варианты, а он отвергал девяносто процентов из того, что я ему присылала, после чего мы спорили до хрипоты.

Все это в общем-то помогало: ближе к вечеру, намотав пять кругов по Зингсприду и дизайнерским салонам, я падала на новоприобретенную кровать и засыпала без задних лап. Сегодня, читай в воскресенье, заниматься было особо нечем, поэтому я побродила по городу, избегая мест, где мы были с Гроу. Избегала я, надо признаться, не только мест, где мы с ним бы-

ли, но и визоров и новостей. Особенно когда выяснилось, что Сибрилла Хеллирию играть не будет.

— Они сейчас ведут переговоры, — по большому секрету сообщил мне Бирек. — Но поскольку была смена режиссера и предполагается полный рестарт проекта, там все очень и очень спорно даже по поводу неустойки. Кажется, они пытаются уломать ее на саундтрек.

Я вспомнила голос Сибриллии (низкий, с грудной хрипотцой) и благополучно пожелала ей подавиться льдинкой из коктейля. «Звезды падают в небо» сейчас и так сыпалась из каждого унитаза... то есть, тьфу, лилась из каждого смартфона, из каждой радиостанции и звучала в любом кафе, и я поблагодарила всех, кого только можно, что мне не придется встречаться с ней на съемочной площадке.

Этого моя хрупкая душевная организация точно не выдержала бы.

— О, да у тебя практически Скай Стрим, — сообщила Имери, когда я обвела камерой смартфона свое новое жилище.

Бэрри недовольно покосилась на нас с дивана: это было единственное, что по-прежнему стояло в моей гостиной. Хотя вру, здесь еще стоял барный стул, который постоянно кочевал с территории кухни (весьма условной) по всему пространству.

— Зачем тебе один барный стул? — поинтересовалась подруга.

— Я думала, уже не спросишь.

— Ну вот, считай, спрашиваю.

— Он остался один. И он мне понравился.

Спинка в форме расправляющего крылья дракона произвела на меня неизгладимое впечатление. Точно так же как и лапки-ножки, не царапающие пол сточенными импровизированными когтями. Подставка под ноги представляла собой кончик крыла, и как только я увидела этот стул, поняла, что не могу его не купить.

— А мы назначили дату свадьбы.

Я не выронила «Верт» только потому, что хорошо держала, и вообще. Мне не полагалось его ронять, потому что Имери ничего не знала про расставание с Гроу: для нее он просто уехал в Ферверн из-за случившегося с отцом. Наверное, это было неправильно, но я не готова была об этом говорить. Особенно с Имери, у которой свадьба, и счастье, и все в том же духе.

— Поздравляю, — сказала я преувеличенно воодушевленно.

Хотя, может, и не преувеличенно, откуда я знаю. У меня вообще возникало ощущение, что в последнее время я хожу в заморозке, которой позавидуют даже льды Ферверна. Танцевала, но как-то без огонька. Перила больше не воодушевляли, высота тоже. Чувство было такое, что из меня вытряхнули меня, а взамен посадили какую-то правильную до тошноты Танни, какой меня все жаждали видеть.

Не все, но Леона точно. Вот сейчас она бы мной гордилась. Наверное.

При мысли о Леоне внутри что-то тоненько царапнуло: с сестрой мы не общались с того самого дня, когда я высказала ей все, что думаю об ир்தханских методах.

— Эй! — Имери сощурилась. — Мне кажется или ты за меня не рада, подруга?

— С чего ты взяла?

— Может, с того, что ты улыбаешься, как на постере?

Постер, кстати, выпустили. Тот самый, который мы еще в Ортахарне снимали с Гроу, и на нем я в красном платье шагла в огонь, оставив за спиной древний город. Совсем скоро предстояла фотосессия для второго, где мы с Рихтом будем красоваться вместе. Рекламную кампанию запустили полномасштабную, а нам объявили, что сниматься будем в рекордно короткие сроки, потому что фильм должен выйти осенью. То есть попасть в самый пик зрительской активности и все такое.

— Я что-то устала, — сообщила я и поспешила перевести тему: — Так когда мне отпрашиваться со съемок?

— В конце лета, — хмыкнула Имери.

Дракон откуси мне голову.

— Здорово.

— Ты опять это делаешь.

— Что?

— Улыбаешься, как на постере.

— У меня в конце лета пресс-тур, — честно призналась я.

— Пресс-тур?

— Да, это такая драконова жесть, когда ты едешь по городам и интригующе всем улыбаешься, чтобы фильм ждали еще больше. А еще напускаешь на себя загадочный вид и говоришь: «О-о-о, что там будет...»

— М-да, — сказала Имери. — Танни Ладэ поглотили Вайшеррские холмы.

— Пока еще не проглотили, — возразила я. — Но учти, на свадьбу я к тебе все равно приеду.

— Даже если в этот день у тебя будет пресс-тур?

— Не будет. Не могу же я пропустить свадьбу лучшей подруги.

— Ну почему, можешь. Только тогда лучшей подруги у тебя не будет.

— Ты такая милая, Им.

— Вся в тебя.

Мы еще немного пообщались в том же ключе, и я нажала отбой.

В воцарившейся тишине было слышно только пыхтение Бэрри и урчание моего желудка: я опять забыла поесть.

Кто бы мог подумать, что пустота имеет столько граней. Биение сердца, которое (если положить руку на грудь) отзывается в ладонь. Ночной неон за окнами, духота и имя, которое до сих пор горчит на губах памятью поцелуев с кофе. Я сжимала «Верт» все сильнее, до тех пор, пока не раскрыла контакты. Мне хотелось бы ненавидеть Гроу с такой же яростной силой, как ненавидела Мика, но я не могла. Понимала, что этому чувству, которое сейчас во мне, вообще нет никаких рациональных объяснений. Не уверена даже, что это любовь, потому что от любви можно закрыться.

Закрыться же от того, что билось во мне, не представлялось возможным.

Оно проросло в меня, сквозь меня. В самое сердце.

Покатав контакты туда-сюда, швырнула мобильный прямо на диван. Метко, надо сказать: прямо в миллиметрах от наглой морды. Бэрри обиженно взвиркнула и взмыла вверх.

— Это. Мой. Диван, — предупредила я.

И пошла выбирать себе технику для работы над спецэффектами.

— Ну, не знаю, — заявил Бирек. — Как по мне, так она очень даже ничего...

— Как по тебе, так все очень даже ничего, — фыркнула Гелла.

— Да брось. Она тебе тоже понравилась. — Стилист ткнул ее в бок. — Иначе бы тебя здесь не было.

— Здесь — была бы. А на съемках нет.

— Ребят, кто хочет еще веоланского? — поинтересовалась Лира, моя ассистентка.

— Все!

Я философски болтала трубочкой в коктейле. Безалкогольном. Почему-то при мысли о том, что надо глотнуть пузырящейся шипучки, у меня поперек горла вставал ком, поэтому я предпочла оставить свой бокал нетронутым.

— Танни, эй! Ты что, не рада возвращению? — поинтересовался гаффер.

Мы собрались небольшой (ну ладно, средней, двадцать человек) компанией отметить возвращение Ильеррской. Идея принадлежала Биреку, который развил бурную деятельность, собрал всех, кто хотел собраться, забронировал отдельный зал в ресторане, где мы сейчас уютно расселись. Длинный стол, над которым протянулся изогнутой формы светильник с подвесками-капельками, диванчик, панно в современном стиле во всю дальнюю стену и двери, ведущие на балкон.

— Разумеется, она рада, — за меня ответил Бирек. — Мне тут один дракончик нарычал, что именно благодаря Танни нашу Ильеррскую и вернули...

— Дракончик, угу. Сказал бы сразу, наблик накрахтел. Лысый и в очках.

Бирек укоризненно посмотрел на Лэй, актрису, которая играла Эмиру.

— Как не стыдно так выражаться о вышестоящем руководстве!

— Ну ты же ему не передашь. — Она фыркнула. — А я уже достаточно выпила, чтобы считать это просто нелепой случайностью... упс!

— Так что, это правда? — разговоры о Гайере перебил Лимес Фарт, которому предстояло играть Горрхата.

Мужчина в теле, если не сказать, толстяк, он был на удивление приятным и просто заряжал всех позитивом. Это неудивительно, учитывая, что в прошлом он был комиком. Если честно, я даже не представляла, как ему удастся передать образ Горрхата, которого в новом сценарии обещали сделать ну очень колоритным и характерным.

— Правда — что? — буркнула я в трубочку, и в коктейле возник пузырек.

— Танни, не скромничай. — Бирек укоризненно на меня посмотрел.

— Я просто сделала так, что нам вернули Лархарру.

По залу пронесся дружный вздох.

— И ты молчала? — поинтересовался Рихт, пристально глядя на меня.

— А ты предлагал мне прийти на собрание с транспарантом: «Сегодня вы все здесь исключительно благодаря мне»?

— Вау! — сказала Гелла и ухмыльнулась.

Рихт потяжелел взглядом совсем как Даармархский.

— Ничуть не меняешься, — хмыкнул он.

— Взаимно, — ответила я.

— Та-ак, ребят. — Лира нажала кнопку вызова официанта. — Сейчас нам принесут еще веоланского, и я предлагаю выпить за Танны. Кстати, Джамира мне тоже нравится.

— Это пока она снимать не начала, — заметил Рихт.

Коллектив у нас разделился на два лагеря: на тех, кому Джамира Версон понравилась, и на тех, кто пока не определился. Впрочем, был еще Рихт и несколько энтузиастов, которые испытывали по поводу женщины-режиссера определенный скепсис.

— А вы заметили, что имя у нее тоже начинается на «дж»? — фыркнула Лэй-Эсмира.

— Это тяжкая участь блокбастера про Ильеррскую. Режиссеры на «дж»...

— Надеюсь, характер у нее попроще.

— Надейся. Ты же слышала, что она вдохновлялась Гроу.

К счастью, вошел официант, и на время все вернулись к обсуждению веоланского. Пока они там все выбирали, мне пришло сообщение от Ленарда: «Гуляете?»

«Гуляем», — подтвердила я.

«А эта сегодня опять к юристам ездила».

«Эта» стало именем нарицательным для эссы Мэрдсток.

«И что?»

«Судя по тому, что вернулась злющая, — ничего». — Довольный смайлик.

«Не провоцируй ее».

«Сдалась она мне».

«Все равно не провоцируй».

«Как скажете, босс».

«Чем занимаешься?»

«Как — чем?! Ты в курсе, что сегодня отборочный матч на чемпионат мира по гратхэнду?!»

«А, то есть ты мне написал, потому что сейчас перерыв и тебе стало скучно?»

«Угадала. — Очередной смайлик. — Ну все, я пошел».

Нет, нормально вообще, а?

«Мебель не забудь посмотреть. Я тебе сбросила три каталога», — отправила, в общем-то уже понимая, что ответа в ближайшее время не дождусь. Кто бы мог подумать, что так сложно заставить подростка посмотреть мебель. Я уже с понедельника прошу его это сделать, а сегодня суббота.

— ...пойдете смотреть на двойное полнолуние?

— Да-а-а! Надеюсь, что в этот день ураган не налетит. — Лира прижала ладони к щекам. — Шесть лет назад, когда оно было в последний раз, у нас на всю ночь зарядили дожди.

— А у нас было круто. — Бирек мечтательно закатил глаза. — Между прочим! Знаете приметку, что если вместе увидеть Драконий взгляд...

— Вы оба станете драконьим ужином.

— Гелла!

Гелла фыркнула.

— То будете вместе всю жизнь, — подвел итог Бирек.

— В драконьем желудке...

— Гелла!!!

— Веоланское! — воскликнула Лэй, когда вошел официант.

Темнокожая красавица подскочила, чудом не опрокинув тарелку с салатом на Рихта.

— Упс. Прости.

— Танни, за себя ты просто обязана выпить. — Сунув бокал с выдохшимся веоланским официанту, Бирек взял новый, в который тут же щедро плеснул пузырьков. — Между прочим, этой бутылке десять лет...

— Я ей в матери гожусь.

— Очень смешно! За Танни! Нашу смелую и отважную Теарин, которая вернула нам Ильерру...

— Без спойлеров, пожалуйста, — хмыкнул Рихт.

— То есть... я хотел сказать, Ильеррскую. — Бирек мне подмигнул.

— За Танни! — подхватили все.

Я вздохнула и, ослепительно улыбнувшись, глотнула вина. Оно действительно оказалось ничего так, с легкой кислинкой и ярко выраженным фруктовым вкусом, правда, ком в горле никуда не делся. Я постаралась проглотить его вместе с вином, и, кажется, мне это удалось. По крайней мере, пузырьки пошли куда надо, сразу стало легче. В частности, получилось доесть салат, который передо мной уныло стоял уже часа два.

Потом был еще один бокал и еще. Я даже воодушевилась и съела с общей тарелки сыра и других закусок.

— Ребят, я прошу прощения, но я сделаю ЭТО! — Гаффер подхватил пульт дистанционного управления. — Мне жена написала, что рагранцы сейчас продуют подчистую...

— Ты болееешь за Рагран?!

— Нет! Я просто хочу на это посмотреть!

Очень скоро к нему подседа большая часть нашего коллектива, и я в том числе. Никогда бы не подумала, что, совершенно не увлекаясь гратхэндом, можно так яростно болеть за какую-то команду. Я болела за Рагран, который, к слову, достойно отыгрался и сейчас пытался вырваться вперед, чтобы получить возможность попасть на чемпионат мира.

Как-то незаметно из зала исчезла Гелла, следом за ней Рихт. Когда они вернулись, расселись по разным концам стола, хотя до этого сидели гораздо ближе. Бирек снова сунул мне в руку бокал с шипучкой, и я выпила за Рагран, потому что они победили. Потом включили новости из Ферверна (в этот раз принимающей страной чемпионата были они), и я поднялась. Правило «никаких новостей из Ферверна» работало все эти дни, и я не собиралась его нарушать.

Поэтому смотрела на две луны, которые вот-вот «откроются» вместе, как глаза дракона. Точнее, откроются, а потом быстро разойдутся. «Драконий месяц», в течение которого луны бегают парочкой по небу, подходит к концу.

— Там прохладнее, — сказал Рихт, который тоже вышел на балкон.

— Да ладно?

— Пойдем. Мы сейчас все равно по кофе и расходимся.

А новости из Ферверна уже выключили?

Я не спросила это вслух, но подумала, и если бы я подумала еще, то осталась бы на балконе. А так вышла под ручку с Рихтом в тот самый момент, когда по визору крупным планом показали Гроу с Сибриллой под ручку.

— Новость о помолвке ферна Гранхарсена и ферны Ритхарсон перекрыла даже ожидание предстоящего чемпионата...

Не знаю, что она там перекрыла чемпионату, но мне она перекрыла дыхание. Я попыталась вдохнуть: раз, другой, третий — и не смогла. А когда поняла, что не смогу, пока вижу их, опрометью бросилась из зала.

ГЛАВА 2

В моей жизни было много ситуаций, когда я делала глупости. Если собрать их все воедино, архивы получатся покруче, чем у Ильеррской, но сейчас у меня дрожат руки, и эта дрожь передается в плечи, в которые я вцепилась. Руки — крест-накрест, и вот так отгородиться от целого мира. На меня смотрят вальцгарды, вслед за мной вылетает Бирек с моей сумкой.

— Тани, — говорит он.

— Да. Прости. Я забыла. Я заплачу.

— Совсем сбрендил? — спрашивает он, а потом тянется ко мне, но я отпрыгиваю в сторону. Реально отпрыгиваю.

— Нет. Не сейчас.

Сейчас мне не нужны дружеские объятия и дружеские утешения тоже не нужны. Мне вообще ничего не нужно сейчас, кроме как набрать номер Гроу и спросить, какого вообще происходит. Но в Ферверне сейчас раннее утро, и он наверняка спит. Рядом с ней. При мысли об этом снова становится нечем дышать, поэтому сумку из рук Бирека я просто вырываю, чудом не оставив ремешок в его руках.

— Я заплачу, — повторяю, — чек мне сбрось.

Теперь, когда у меня есть сумка, я могу вцепиться в нее. Хорошо, что сегодня другая смена, Рон бы смотрел мне прямо в глаза и наверняка попытался выяснить, что со мной происходит, но мне это сейчас не нужно. Мне нужно выпить. А еще сделать глупость, чтобы было уже не так больно, и плевать, что эта глупость может меня добить. Лучше пусть это сделает она, чем то, что сейчас происходит в Ферверне. Потому что еще десять лет одиночества я не выдержу. Не сейчас. Когда он покажет мне, что бывает иначе, а потом просто все это отнял.

По щелчку пальцев.

— Домой? — интересуется водитель, когда мы с вальцгардами выходим.

— В «Форсайт».

Да, именно туда. В ночной клуб, где все началось.

Да, я пойду в этот клуб, я найду там того, с кем могу переспать, и я выбью из себя всю дурь, имя которой Гроу. Потому что иначе до конца жизни буду дергаться при звуках «Звезды падают в небо» и шарахаться от фервернских новостей.

Нет, мне определенно точно это не нужно.

— Эсса Ладэ. — Один из вальцгардов хмурится. — «Форсайт» — ночной клуб, и...

— И?

— Это не самый удачный объект для вашей безопасности.

— Что ж, в таком случае вам придется поднапрячься, правильно?

Я улыбаюсь, но в улыбке нет ни капли веселья, зато есть раскаленная злость. На себя — за то, что позволила себе так раскиснуть, на него — за то, что ударил в самое сердце. На себя — за то, что ему это позволила, на него — за то, что заставил меня поверить. На себя... и так до бесконечности. Чтобы эта бесконечность не свела меня с ума, сегодня во всем этом будет поставлена точка.

Судя по виду вальцгардов, они таким поворотом недовольны, но у них нет выбора. Они — моя охрана, а не опекуны, и если я решу сигануть с высоты, придется им надевать парашютики и лететь следом.

Умом понимаю, что вальцгарды здесь ни при чем, но злости от этого меньше не становится. Напротив, она набирает обороты и вместе с выпитыми пузырьками поднимается на поверхность, придавая мне крышесносной, безбашенной легкости. Неоновые огни сливаются в полосы, которые мельтешат перед глазами, я же сжимаю пальцы на сумке все сильнее.

Позвонить ему, разбудить и поинтересоваться: «Ну и как тебе с Сибриллой? С огоньком? Или задница замерзает?»

К счастью, вывеска «Форсайт» бросается в глаза раньше, чем я успеваю сделать такую глупость. Такая глупость точно мне не поможет, разве что выдерет из груди то, что трепыхается яростным комком боли. Потому что его голос — хриплый, низкий, с рычащими нотками — до сих пор звучит во мне, как моя суть.

Парковка становится все ближе, мы заходим на посадку в воздушный рукав, начинаем спускаться. «Форсайт» — элитный клуб с безумно дорогим средним чеком, но недостатка в посетителях он не испытывает, особенно по выходным. Мы садимся чуть ли не на единственное свободное место, и я уверена, что на второй парковке творится то же самое.

Здесь свет приглушен, но я сразу замечаю мужчину, стремительнодвигающегося в нашу сторону. Когда флайс замирает, а дверца с легким щелчком идет вверх, во мне не остается цензурных слов. Я бросаю на протягивающего мне руку вальцгарда многообещающий взгляд и шагаю вперед, чтобы оказаться лицом к лицу с Терграном.

Впрочем, сейчас мне плевать, будь там даже сам Председатель.

— Заскучал вечерком? — интересуюсь холодно и пытаюсь его обойти, но он не позволяет.

— Ты туда не пойдешь, Танни.

— Правда? — Я улыбаюсь. — И кто это сказал?

— Я.

В нем почти два метра роста, широкие плечи и взгляд, которым можно пронзить, как лазерным лучом. Мужчина с большой буквы «М», о таких снимают кино. В общем-то да. О Тергране и правда можно снять кино, учитывая, что он из себя представляет.

— Уйди с дороги, — говорю зло.

— Нет.

— Уйди. Последний раз предупреждаю.

— Садись во флайс, Танни.

Ах так?!

Я набрала в грудь побольше воздуха, но Тергран запечатал мне рот ладонью. Ловко так запечатал, профессионально: не причиняя боли, но в то же время закрывая во мне все то, что я собиралась сказать, не стесняясь в выражениях. Во флайс он меня втолкнул тоже со знанием дела — резко, умудрившись рукой прикрыть голову от удара, сам мгновенно сел следом.

— Домой. К ней, — приказал коротко.

— Ты кем себя возомнил?! — прошипела.

— Поговорим потом.

Потом?!

Вальцгард погрузился на переднее сиденье как раз в тот момент, когда к нам постучали секьюрити клуба.

— Прошу прощения. У вас какие-то проблемы?

Тергран показал документы, и охранник изменился в лице.

— Прошу прощения, — повторил он и тут же исчез.

— Справился? — язвительно поинтересовалась я, когда флайс снова пошел наверх. — Гордишься собой, да? Крутой и все такое?

Он не ответил.

Флайс стремительно рассекал верхнюю магистраль, а я кусала губы, пытаясь совладать со злыми словами. Толку в них? Он все равно запихнет меня в квартиру и проследит, чтобы я никуда оттуда не делась.

Потому что он теперь начальник службы информационной безопасности, чтоб его.

И ему плевать, что изнутри меня рвет на части, а я ничего не могу с этим поделать.

Вальцгарды остались у флайса, проводив нас явно облегченными взглядами. Я молчала, пока мы шли к лифтам и когда поднимались к квартире, но когда оказались у дверей, обернулась к нему.

Резко.

— Ты со мной не пойдешь.

— Это не тебе решать, Танни.

— Серьезно? А что решать мне?

— Сейчас — ничего.

Он перехватил у меня ключи раньше, чем я успела ответить, и тут меня вынесло окончательно. Я ринулась к нему, ударила в грудь яростно, с отдачей в ладони. Снова, еще и еще, до тех пор, пока он не перехватил мои запястья. Светлые глаза потемнели, зрачки подергиваются — величайшее проявление высокоиртханских эмоций!

— Дай мне открыть дверь.

— Не смей лезть в мою жизнь, — прошипела я. — Понял?! Я не твоя младшая сестренка!

Рванулась, но он перехватил меня еще сильнее, и теперь уже вся я впечаталась ему в грудь.

— Это уж точно, — произнес он, одной рукой без труда удерживая меня, другой прикладывая ключ к замку.

Драконохрен!

Я поймала его взгляд лишь на миг, и этого мгновения мне хватило. Приподнявшись на носки, я рывком впилась в его губы жестко, яростно, зло.

Очешуение дракона прямо пропорционально степени свободы. Почувствовав, что хватка ослабла, я мстительно впилась в иртханскую губу зубами, а потом рванула дверь на себя и отпрыгнула за нее. Захлопнула... бы. Если бы Тергран не остановил, чудом не оставшись без пальцев.

В глазах полыхнул огонь, после чего меня просто перехватили поперек талии, с его и моей комплекцией это в принципе труда не составило.

— Пусти! — рывкнула я, молотя руками по этой каменной глыбе. — Пусти, или я...

— Сидеть.

Это относилось к Бэрри, но сказано было так, что сесть захотелось мне. Гроу, конечно, тоже умел придавить морально, но Терграново «сидеть» на миг выбило из меня даже желание

шевелиться. В себя я пришла уже на лестнице, задержалась, пытаюсь вырваться, — тщетно. Тергран пинком распахнул дверь, каким-то загадочным образом угадав мою спальню, втащил меня, ругающуюся так, что его уши просто обязаны были завянуть, в ванную, сунул в душевую кабину и открыл воду.

От хлынувших на меня ледяных потоков повторно выбило все мысли. Впрочем, в следующий момент вода стала чуть теплее.

— Успокоилась? — поинтересовался он.

Успокоилась?! Успокоилась?!!

Я схватила шампунь и швырнула в него. Следом отправились гель для душа, скраб, и все это, к моему величайшему сожалению, пролетало мимо. Когда снарядов больше не осталось, я поняла, что меня колотит. Не от холода, к этому моменту душ стал уже вполне приемлемой температуры.

— Убирайся, — процедила я. — Проваливай. Чтобы я никогда тебя больше не видела, или...

— Или? Ты уверена, что твое поведение вписывается в рамки того, что ты собираешься оформлять опекунство?

Его слова прозвучали как удар под дых. Из меня просто выбило весь воздух, который во мне еще остался, а вместе с ним и все силы. Я замерла, тщетно пытаюсь удержаться от мыслей о другой ванной, которая осталась в запертой квартире в другом районе и которую мы так и не успели починить. Рычащим эхом в сердце ударило: «Тан-н-н-и-и-и. Моя несносная Тан-н-н-и-и-и...» И мой ответ: «С днем рождения, Джерман».

Все.

Это просто все.

Сейчас я была искренне благодарна Терграну за то, что он открыл воду, потому что мокрые волосы липли к лицу и подо всем этим не будет видно слез.

Впрочем, слез не было.

Прежде чем я успела это осознать, Тергран шагнул ко мне в полной боевой амуниции, читай, в костюме. Притянул к себе, заставив уткнуться лицом в пиджак, который еще не успел намочнуть.

— Пусти, — негромко повторила я, потому что сил вырваться не было. — Не смей это делать. Не смей меня жалеть.

— Из всех, кого я знаю, ты меньше всего заслуживаешь жалости, Танни.

Я подняла на него глаза: сейчас его лицо казалось размытым. Из-за потоков воды, разумеется, но жалости во взгляде

действительно не увидела. Жесткость и холод, столь свойственные ему, — да, и, пожалуй, что-то еще. Что-то еще — уже не мое дело.

— Зачем ты залез ко мне в душ?

— Затем, что мне тоже нужно было остыть.

Он отпустил меня и вышел, я слышала, как на пол льется вода (костюм ему намочило знатно). Закрывает дверь душевой кабины, начала выпутываться из одежды, когда в стекло постучали:

— Тебе точно понадобится это.

Гель для душа и шампунь вернулись на полку, мокрую одежду я комом сложила вниз. Расправила плечи, подставляя лицо струям воды.

Десять лет Мика не превратятся в десять лет Гроу. Что бы там ни случилось, не превратятся. Сибрилла — значит, Сибрилла. Это его выбор, это его решение, и я тут совершенно ни при чем. Дело не во мне, дело в нем.

Если кто-то не был готов к отношениям — это не я.

Это он.

Странно, но вот такие простые мысли действительно помогали. Раз за разом повторяя их про себя, я унимала дрожь, растворяла бьющуюся внутри боль... ненадолго, конечно. Завтра она обязательно вернется, но это будет уже иначе.

Принять, что все кончено, и научиться жить с этим — мне придется это сделать. Придется, если я хочу стать матерью для Ленарда. Если хочу сниматься в Ильеррской без оглядки на то, как эту сцену увидел бы он. Если хочу жить, а не существовать, гореть, а не тлеть, танцевать, а не двигаться.

Когда я закрыла воду и открыла дверцы, в ванной обнаружился драконий стул, на котором висела пижамка. Капель на полу не осталось, правда, в углу валялось скомканное полотенце. Еще на стуле лежал «Верт», нахмурившись, я взяла смартфон. Коснулась дисплея и увидела сообщение: «Спокойной ночи, Танни».

Хотела бы я знать, как он его разблокировал.

Пижамку, впрочем, надела. Оглянулась на мокрую одежду и кроссовки, махнула рукой.

Потом кроссовки все-таки вытащила и запихнула в сушилку. Вместе с юбкой и кофтой.

Бэрри нигде не обнаружилось, из чего я сделала вывод, что Тергран сдал виари вальцгардам погулять с ней (и на том спасибо). На всякий случай насыпала ей в миску корма, чтобы не

оголодала до утра, налила воды. И с чувством выполненного долга вернулась к себе.

Спать.

Спать — это хорошо. Не спать — плохо.

Красноглазая Танни, поспавшая три часа, — золотая середина. Наверное.

Я думала об этом, когда просыпала только что перемолотый кофе вместо кофеварки на столешницу, из-за чего сунувшая любопытный нос поближе к тарелкам Бэрри расчихалась и убежала с кухни. Я осторожненько смела горстки кофе туда, куда положено, поставила кофеварку на нагревающую панель и пошла встречать гостей. То есть вальцгардов.

— Ребята, заходим по одному, — сказала Рону с напарником. — У меня кофе варится, пить будем вместе.

Вообще, чисто теоретически, мне должно было быть стыдно за то, что я вчера покусала Терграна, но стыдно не было. Гораздо больше меня интересовало, как он разблокировал мой телефон, и еще больше хотелось узнать, можно ли научиться столь полезному навыку, не обладая особыми талантами. Правда, где я буду их применять, я не догадывалась, но это пока.

Мало ли что в жизни случится.

— Привет, Бэрри. — Рон потрепал виари по голове, и она снова оглушительно чихнула.

— Кофе надышалась, — пояснила я и пошла на кухню.

Звякнул тостер, и я вытащила слегка подгоревший хлеб прямо на тарелку.

— Сейчас будут сэндвичи.

— Тебе вовсе не обязательно нас кормить.

— Я сказала, сейчас будут сэндвичи.

— Ты в курсе, что это звучит угрожающе?

Напарник Рона (дай мне дракон памяти, я опять забыла его имя) улыбнулся.

— Я могу погулять с Бэрри.

— Считай, отмазался.

Рон наклонил голову:

— Вообще-то, Верт...

Верт! Верт, Верт, Верт, как мобильник.

— Нас при ней должно быть двое.

— Да, если я подавлюсь сэндвичем, один будет делать мне искусственное дыхание, а другой вызывать службу спасения...

— ...Особенно учитывая, как безответственно эта особа подходит к вопросам личной безопасности.

«Эта особа» посмотрела на Рона очень внимательно.

— Ты с Терграном, случаем, с утра не общался?

— Общался. — Он хмыкнул и кивнул напарнику на Бэрри. — Иди гуляй.

— Пойдем, пушистик.

Пушистик?!

Пушистик довольно подскочил и побежал к дверям; радость от прогулки у Бэрри равнялась исключительно радости от еды, а учитывая, что вальцгардам (этой смене) она доверила бы даже свой сухой корм, жизнь мигом стала прекрасна.

Наверное.

Потому что когда хлопнула дверь, мы с Роном остались наедине. С гейзерной кофеваркой и тостером, ну и еще с листьями салата, которые я заранее разложила просушиться.

— И что тебе рассказал Тергран? — поинтересовалась я.

— Да в общем-то ничего такого. Сказал, что ты вела себя несколько импульсивно...

— Так и сказал? — фыркнула я.

— Так и сказал.

Я пожала плечами и сняла кофе с плиты.

— Так... с чем тебе сделать сэндвич?

— Мне хватит кофе.

— Ладненько. — Я потянулась за чашками и чуть не выронила одну, когда услышала:

— Танни, Тергран не желает тебе зла.

Обернулась: в одной руке чашка, в другой кофеварка.

— Рон, пожалуйста. Не начинай.

— Я видел, как ты с ним общаешься.

— Да ну?

— У него тоже не самый легкий период. Его поставили во главе службы информационной безопасности после одной из самых страшных кибератак нашего времени.

Я сделала вид, что занята кофе.

— Он согласился, поскольку понял, что нужно двигаться дальше.

После такого заявления заниматься кофе стало как-то сложнее.

— У него была девушка. Вообще, насколько я знаю, все было гораздо серьезнее, чем просто девушка. Они собирались стать парой.

— Ну и откуда ты это знаешь?

Кофеварку я на всякий случай поставила, подвинула чашку в сторону Рона и занялась сэндвичами.

— Трэйг Фартсен была дружна с Делисс. Делисс...

— Пресс-секретарь местра Халлорана, — закончила я. И по совместительству девушка Рона.

— Трэйг похитили, чтобы подобраться к твоей сестре. Пытались шантажом заставить Терграна предать Халлоранов.

Так, ладно. Нож, наверное, тоже стоит отложить.

— Он думал, что успеет. Наверное. Во всяком случае, вопрос о предательстве для него не стоял. — Рон сделал глоток. — Кофе шикарный.

— Шикарный, — согласилась я и поняла, что некоторые события происходят ну очень вовремя.

Например, то, что Верт с Бэрри вернулись. Уже на полпути к двери я поняла, что у Верта нет ключей от квартиры, зато есть доступ в дом, и что звонок должен звучать по-другому.

Коснулась панели видеосвязи, и на дисплее возникла Имери.

Сложив руки на груди, подруга стояла у моего дома с таким видом, словно собиралась брать его штурмом, а увидев меня, мгновенно подобралась.

— Я вчера посмотрела новости, Танни Ладэ, — заявила она. — Не хочешь объяснить, что все это значит?!

Прежде чем я успела открыть рот, Имери ткнула в меня пальцем:

— И твоя страшная рожа меня не напугает!

— Страшная? — переспросил Рон из-за моего плеча.

— Грозная, — поправилась подруга.

— Ро-о-он, — простонала я.

— Танни, я должен тебя защищать.

— От Имери?!

— От Имери в первую очередь, — донеслось свирепое из динамика. — Особенно если ты сейчас же не откроешь мне дверь.

Ой.

Я нажала кнопку, и подруга влетела в дом, дисплей погас. Я же обернулась к Рону и выразительно на него посмотрела.

— В комнату я с вами не пойду, — невозмутимо сообщил он.

— И на том спасибо.

Завтракали мы втроем в дружном молчании. Ну ладно, впятером, хотя ела одна я, вальцгарды пили кофе, Бэрри вымогала еду, а Имери смотрела на меня так, что не оставалось ни малейших сомнений: разговор нам предстоит ну очень серьезный. Еще меньше сомнений осталось, когда я едва успела поставить пустую тарелку на столешницу, а меня уже схватили за руку и потащили за собой.

— Значит, просто уехал в Ферверн, да?! — поинтересовалась подруга, захлопнув дверь и оперев руки в бока. — Просто на время, пока все это с его отцом не решится, да?!

Я пожала плечами:

— А что я должна была сказать?

— Правду! — сообщила Имери. — После того как ты рыдала в моей спальне, ты должна была сказать мне правду!

— Зачем?

Подруга приподняла брови.

— Нет, правда, зачем? У тебя все хорошо, вы назначили дату свадьбы. Он, наверное, скоро тоже.

— Я тебя сейчас убью, — пообещала она, резко шагнув ко мне. — И знаешь, за что? Не за то, что мне ничего не сказала, — набл с ним. За то, что ты куда-то дела мою Танни Ладэ, которую я знаю и люблю. Ту, которая расколошматила бы в его квартире все, а после с чувством выполненного долга наревелась и пошла жить дальше.

Я усмехнулась:

— А если той Танни больше нет?

Не дожидаясь ответа, отвернулась и отошла к окну. Здесь оно было обычное, не панорамное, хотя тоже достаточно большое. По сути, Имери была права: Танни, которую она знала, действительно разнесла бы квартиру Гроу, а после... вот что было бы после, я понять не могла, у меня сбила фантазия. Надеюсь, это ненадолго, потому что мне спецэффекты рисовать надо, креатив проявлять. Ильеррскую играть опять же, и это уже завтра.

Сценарий наконец-то домучили. Точнее, доделали. Первую часть. Вторую будут дорабатывать на ходу, поскольку сроки съемок нам ужали в такие тиски, что не продохнешь, и это тоже хорошо.

— Все так паршиво? — Имери подошла и встала рядом.

— А ты как думаешь?

Я хотела спросить, что было бы, если бы Гар сбежал от нее к другой, но передумала. Хотя бы потому, что с Гаром они дей-

ствительно были вместе, а то, что было у нас с Гроу... я даже не представляю, как это назвать.

— Тан, не уходи в себя, а?

— Не уйду. Меня все равно нет дома.

— Очень смешно. — Имери вздохнула. — Хочешь, я поеду в Ферверн и выдеру ей все волосы?

Я покачала головой.

— А ему? — Имери запрыгнула на подоконник, чтобы взглянуть мне в глаза. — Во всех местах.

Я наконец-то перевела на нее взгляд.

Мне хотелось что-то сказать, но я не могла. Наверное, только Имери могла расколупать это так, что боль из плотно запечатанной раны просочилась наружу и сейчас заставляла меня чувствовать себя живой. Впервые за последнее время. Не сказать, что это было приятное чувство, но это было хотя бы чувство. А не его жалкое подобие.

— Я люблю его, — тихо сказала я. — Но я понимаю, что больше ничего не будет.

Теперь молчала Имери. Молчала и смотрела на меня, и в серых глазах с наспех подведенными стрелками (видимо, торопилась на самый ранний рейс телепорта) тоже не было ни капельки жалости. Для меня это было важно, потому что если бы она вздумала меня жалеть, меня бы это добило.

— Не после нее.

— Хорошо, что ты это понимаешь.

— Не уверена.

— Зато я уверена. Иди уже ко мне, а?

Она спрыгнула, и я даже полшага не сделала, как оказалась в ее объятиях. Нет, слез по-прежнему не было, но в ее руках было удивительно тепло, и даже мысль о том, что с Гроу все, казалась не такой болезненной, как раньше. Я прокручивала ее в голове снова и снова, повторяла раз за разом, приводя на глубину какого-то нового осознания. И слезы все-таки пришли, странные и слабые: сначала по щеке скатилась одна, потом вторая.

— Я намочу тебе кофту, — предупредила я.

— Да набл с ней. — Имери крепко прижала меня к себе. — У меня в рюкзаке смена есть. Давай поплачь. Вот так. Умница.

«Умница» разревелась в лучших традициях сопливой мелодрамы. Пропуская через себя каждое свидание, каждую встречу, каждый взгляд. Подводные «солнышки» и детенышей дракона, его руку на своей талии, обжигающее дыхание на пле-

че. Понемногу слезы сходили на нет, и за их пеленой терялись воспоминания. Отступали на второй план, растворяясь в настоящем.

— В Ферверн я, конечно, не поеду, — сообщила Имери, когда отстранилась. — Но если случайно встречу на улице, отобью палку-размножалку, так и знай. Потому что никому не позволено заставлять Танны Ладэ плакать. Особенно два раза подряд.

Я фыркнула сквозь слезы.

— И нечего тут хихикать, — сказала подруга. — Для меня это не шутки. Между прочим, заставить плакать такую сильную и смелую...

— Обо мне столько хорошего, как в последние дни, за всю жизнь не говорили. Не к добру.

Она щелкнула меня по носу.

— ...как ты — это надо быть редкостным придурком. Впрочем, пусть теперь живет и мучается. Без тебя.

Я глубоко вздохнула.

Если бы у меня были сомнения, хотя бы крохотные сомнения, что я ему нужна, я бы уже была в Ферверне. Но сомнений не было. Не стал бы он объявлять о помолвке с Сибриллой, если бы чувствовал ко мне хоть что-то. Не стал бы сообщать о нашем расставании по телефону.

Все, хватит.

— Погулять хочешь? — поинтересовалась я у Имери, когда вернулась из ванной.

— С удовольствием. У меня до вечернего телепорта еще уйма времени.

Я улыбнулась.

— Что сказал Гар, когда ты собралась ко мне?

— Сказал, что хочет поехать со мной. А я сказала, что это девчачий вопрос и он будет совершенно не в тему.

Я снова фыркнула:

— И он не обиделся?

— Это не самое страшное, что я сказала ему за последнее время, — заметила Имери, подошла к гардеробу и совершенно без зазрения совести сунула туда нос. — Так, что тут у нас... Тебе нужны нормальные отношения, Танны.

Я чуть не подавилась воздухом.

— Ты сейчас точно не про новые джинсы говоришь?

— Нет. — Подруга обернулась, доставая легкий сарафан, который я купила совершенно спонтанно. — Не про джинсы.

У тебя просто не было нормальных отношений, Тан, в которых мужчина не сбегает, поджав хвост, после первой ссоры. В которых, разругавшись, вы возвращаетесь домой в разное время, дуетесь, но все равно обсуждаете все вместе. В которых иногда он полдня режется в онлайн-игру, и ты готова его за это прибить, но потом понимаешь, что вчера он пять часов таскался с тобой по бутикам и говорил, что тебе идет, а что нет. Пресновато, но именно это настоящие отношения, а не фонтан страсти на почве второго полового созревания. Хотя фонтан страсти тоже круто, без него никуда.

Я уже собиралась ответить, но мне в руки сунули сарафан.

— Надевай. И пойдем гулять.

— Отношения у всех разные, — заметила я, возвращая сарафан на место, и полезла за сменными джинсами, когда меня шлепнули по рукам.

— Надевай платъице. Ты же девочка.

— Имери, ты в курсе, что я умею кусаться?

— Надеюсь. — Подруга прищурилась. — Очень на это надеюсь. Потому что ты моя зубастая Танни, и ты сделаешь все, чтобы стать самой счастливой девчонкой на свете. А если не сделаешь — я приеду и...

— У меня нет палки-размножалки, — философски заметила я.

— Ничего, я найду другой способ вправить тебе мозги, — дружелюбно заметила она, содрала сарафанчик с вешалки, сунула мне в руки и запечатала гардероб спиной. — Все, дуй в ванную.

— Я это тебе припомню, — пообещала я.

И пошла в ванную. Становиться девочкой.

— Давай начнем сначала.

— Это несколько претенциозно звучит, ты не находишь?

— Ну, я же теперь актриса, мне положена претенциозность.

С Терграном мы встречались на побережье, на том самом месте, где я его откровенно послала. С той лишь разницей, что в этот раз дело было уже ближе к ночи, и я сама позвонила ему и попросила приехать. Рон и Верт делали вид, что их не существует, а я смотрела ему прямо в глаза.

— Да. Не так я себе представлял нашу встречу, Танни.

— А как ты ее себе представлял?

— Не знаю. Но, по-моему, начать сначала — неплохая идея.

— Вот и отлично.

Мы вместе направились по линии прибой, я даже сняла шлепанцы, чтобы иметь возможность беспрепятственно намочить ноги. Вода была теплой, и когда накатывала, с шипением пенилась, чтобы потом отступить.

— Значит, завтра на съемки? — спросил он.

— Ага. Ничего так не ждала... кажется.

Теперь я при всем желании не могла на него смотреть так, как раньше. Случись мне выбирать между долгом и близким человеком... Наверное, со стороны очень просто решить, что ты обязан выбрать долг, особенно если давал присягу и все такое.

— Почему ты подал в отставку? — спросила я.

Не могла же я вот так с ходу вывалить на него то, что Рон мне все рассказал.

— Рон мне все рассказал.

М-да. И эти мужчины будут мне говорить, что у женщин на языке ничего не держится?

— В общем-то это не тайна, Танни. Гибель Трэй транслировали по всем каналам, ее отец собирался баллотироваться в правящие Вэйстонвилла.

— Мне очень жаль, — тихо сказала я.

— Это было два года назад.

Два года назад.

Два года назад я еще была в Мэйстоне, но поскольку визор особо не смотрела, полностью погруженная в свой внутренний мир, этот момент как-то упустила. По сути, я всю жизнь была погружена в свой внутренний мир, напрочь забывая о том, что есть еще внешний и что в нем тоже происходят события.

— Два года, — сказала я, — это много или мало?

Тергран пристально на меня посмотрел.

— Достаточно, чтобы научиться с этим жить. Если, разумеется, у тебя есть такое желание.

Я хмыкнула:

— Для парня, который залез ко мне в душ, ты слишком серьезный.

— Для девушки, которая кусается по поводу и без, ты тоже.

— Расскажи о ней, — попросила я. — Если хочешь, конечно.

— Она была красивой. — Тергран даже не сделал паузы. — Не знаю, как ей это удавалось, но она была красивой, даже когда просыпалась с растрепанными волосами и следами от подушки на щеке.

В его голосе не было горечи, только какая-то светлая, далекая грусть.

— Девушки с растрепанными волосами и со следами от подушки на щеке — самые красивые. Ты разве не знал?

— Догадывался. У нее была такая смешная привычка: все время заправлять волосы за уши. В детстве ей говорили, что у нее слишком маленькое лицо с острым подбородком, поэтому она их все время заправляла. Даже на официальных приемах неосознанно. Несмотря на то, что лицо у нее было правильной формы. Я бы сказал, самое удивительное лицо на свете.

— Ты видел подводные солнышки?

Он остановился, и я тоже. Шлепанцы в руке определенно были лишними, потому что торчали, и мне пришлось отвести руку за спину.

— Танни, я это пережил.

— Правда?

— Правда. Иначе бы не вернулся к работе.

Когда он замолчал, шум накатывающих на берег волн стал громче. Таким, словно кто-то прибавил громкость во всех динамиках. Тишину сейчас нарушал только он, сверкающая нить побережья казалась далекой, как и фигуры Рона с Вертом.

— Знаешь, чего я сейчас хочу? — спросила я, глядя ему в глаза. — Искупаться.

Прежде чем он успел ответить, я стянула сарафан, оставшись в одном белье. А потом одним рывком бросилась в воду.

Вода окутала мягким теплым шлейфом, а вот накатывающую волну я пропустила. Она накрыла бы меня с головой, если бы раньше меня не подбросило ввысь: сильные руки Терграна сомкнулись на талии, и пенный гребень покотился дальше, разбившись о берег. Меня же резко развернули лицом к себе.

Злой дракон.

Очень-очень злой дракон! Глаза полыхают алым, зрачки вертикальные, а звериным началом несет так, что самки... простите, ир்தханессы со всего Зингсприда только каким-то чудом сюда не слетаются на лакомый кусочек.

— Танни, — прорычал он. — Ты чем думала, когда ночью лезла в воду, не умея плавать?!

— У тебя устаревшие сведения, — фыркнула я. — Уже умею.

Следующая волна все-таки нас накрыла, и теперь я тоже оказалась с мокрыми волосами, равно как и Тергран. Нет, ну, правда, злиться ему было на что — опять в воде, опять в костюме, опять из-за меня.

В эту минуту меня только чудом не разобрал смех.

— Когда-нибудь ты доиграешься, — сказал он. — Давай на берег, Танни.

— Не хочу. Расскажи лучше, что ты еще обо мне знаешь, начальник службы информационной безопасности.

Тергран прищурился:

— По-твоему, это смешно?

— По-моему, смешно все, что не грустно. Ты уже два раза из-за меня испугался, а я в одном белье, так что давай, не ломайся.

В отраженном лунном свете его глаза казались маяками, за которые мне хотелось держаться. Несмотря на то что пламя в них сходило на нет и сейчас они отливали сталью, в них было что-то невыносимо глубокое. Такое, что заставляло верить: рядом с ним мне вообще ничего не угрожает, и все, что происходит, — правильно.

— Знаю, что твое собрание перенесли, — сказал он. — Организационное. По обучению в школе родительскому мастерству.

— Так это еще никто не называл.

— Знаю, что ты сегодня встречалась с Имери и что она промывала тебе мозги на тему «надо жить дальше и все такое», поэтому ты творишь непонятно что.

— Я? Разве?

— Давай на берег, Танни.

На берег было бы правильнее, но я подхватила очередную волну, подаваясь вперед, вливаясь поцелуем в жесткие губы, как океан — в побережье. На миг, отозвавшийся в глубине груди странной дрожью, он мне ответил. Коротким движением вперед и скольжением губ по губам. После чего рывком увлек под воду, и когда прямо в воде нас подбросило волной, я дернулась назад.

— Очень круто! — сообщила, вынырнув на поверхность, отплеываясь и показывая ему большой палец.

— Еще одна такая выходка — и мы перестанем быть друзьями, — серьезно произнес он.

— Мне не нужен друг, Дар, — сообщила я. — Мне нужен мужчина.

— Тебе нужно время.

— Два года?

Он не изменился в лице, а мне стало стыдно. Не потому, что я его целовала, просто то, что он мне рассказал, трогать было нельзя.

— Прости, — сказала негромко и в два рывка достигла дна, где можно встать на ноги.

— Искупались? — поинтересовался Рон, протягивая мне пиджак.

Тактично, надо сказать, поступил: подошел, когда я уже успела влезть в сарафан. Правда, благодаря мокрому белью он все равно ничего не скрывал.

— Да, очень советую, — фыркнула я. — Вон Дару так зашло, что даже раздеваться не стал.

Рон с Вертом свою функцию выполнили: вручили мне «грелку», поэтому сейчас снова отошли на безопасное расстояние. Читай, ровно на то расстояние, чтобы позволить нам с Терграном поговорить. Вот только я не представляла, о чем с ним еще говорить.

— Тани, о том, что случилось...

— Забей. Ничего не случилось.

— Ты первая женщина, на которую я вообще посмотрел после Трэй.

О, ну это уже точно лишнее.

— Ты в курсе, что мужчину в мокрой рубашке и брюках сложно воспринимать серьезно?

— А ты попробуй. — Стали в его глазах стало больше, но холоднее они почему-то не становились. — И я сейчас думаю о холодном душе.

— О том, в котором мы были вместе?

— О том, в котором тебя не будет, потому что иначе он бесполезен. Когда я говорил, что сам вызвался заниматься информационной безопасностью, я не лгал. Я действительно думал, что проверка информационных систем в Зингсприде и твоя защита — это серьезное дело, которым стоит заняться лично мне. Но рядом с тобой понимаю, что это уже чуть больше, чем просто работа. Поэтому давай не будем усугублять.

— Давай, — согласилась я.

Я бы сейчас на что угодно согласилась, поэтому кивнула в сторону парковки, которая осталась далеко позади.

— Все? Поговорили? Пойдем?

— Я хочу пригласить тебя на свидание.

— То есть ты сейчас вот так оттолкнул девушку в кружевном белье, а потом приглашаешь ее на свидание? — поинтересовалась я, сложив руки на груди.

— Я оттолкнул девушку в кружевном белье, чтобы завтра у нее не было очередного повода переживать. Потому что у нее съемки, ну и еще самую малость потому, чтобы она меня не возненавидела. Я страшный эгоист, Танни, знаешь ли.

— Знаешь, вот возьму и возненавижу тебя сейчас. За попанную гордость, — сообщила я.

Тергран убрал мокрую прядку с моего лица.

— Я не прикасался к твоей гордости.

— А я о чем говорю?!

Несколько мгновений я смотрела на то, как он обтекает (буквально), потом покачала головой:

— Знаешь, я не пойду с тобой на свидание. Свидание — это слишком скучно.

— Только разнузданный секс в океане, только хардкор?

Расхохотались мы одновременно, и мне снова пришлось утирать слезы, только на этот раз уже от смеха.

— Ладно, пойдем. — Он предложил мне руку. — Как честный ир்தхан, лапавший тебя в воде, я обязан проводить тебя до флайса.

— Как честный ир்தхан, ты обязан мне рассказать, как ты вломился в мой «Верг».

Тергран приподнял брови, но мы и правда пошли. Легкий ветерок, который до этого обдувал весьма приятно, сейчас даже в душной ночи возил холодным языком по мокрой одежде и всему, что ей не прикрыто.

— Расскажу. Если пойдешь со мной на свидание.

— Это шантаж.

— А кто об этом узнает?

Я вздохнула:

— Кажется, у меня нет выбора. Если я хочу стать хакером...

— Если ты хочешь стать хакером, я вынужден буду тебя арестовать прямо сейчас.

— О да. Арестуйте меня, местр начальник службы информационной безопасности!

Перебрасываясь шутками, мы все-таки добрались до парковки, где разошлись по флайсам. Впервые за несколько долгих дней я чувствовала себя если не самой счастливой девчонкой, то где-то на пути к этому.

Сегодня у меня был прекрасный день, завтра начнутся съемки. Я сыграю Ильеррскую, выучусь на лучшую маму, оформлю опеку и поеду на свадьбу к Имери вместе с Лернардом.

А остальное... два года или два месяца — загадывать сейчас ни к чему.

Хаймарг, Ферверн

Сказать, что он был в бешенстве, — значит, ничего не сказать. Вместо того чтобы получить таэрран и на пять лет выйти из игры (а этого хватило бы с лихвой, чтобы окончательно поставить в деле Джермана Гроу жирную точку), этот недоносок сбежал в Ферверн, прикрываясь провалившимся в кому папашей. Папаша, к слову, должен был сдохнуть, но тоже решил отложить этот момент до лучших времен. Если бы он знал, что эти двое — такие живучие приспособленцы, сделал бы все иначе. Теперь же оставалось только наблюдать за тем, как развиваются события.

Пока что они развивались наихудшим для него образом.

Полукуровка, всю жизнь воротивший нос от политики, внезапно возгорел желанием «продолжить дело отца», а этот почти отставной Виндербергхен принял его с распростертыми объятиями. Нет чтобы вернуть в Аронгару в подарочной упаковке, с пафосным видом вещал о том, как важна сильная кровь, и о том, что таэрран — пережиток прошлого, особенно учитывая, что в его случае это была экстренная мера.

Словом, полное дерьмо.

Усугубляло дерьмовость еще и то, что недоносок Гроу с какой-то радости бросил девицу, по которой сходил с ума и из-за которой должен был ходить в таэрран, и переключился на подружку юности. Он следил за ним с особой тщательностью, надеясь найти хоть один признак того, что это обман, но нет. Гроу действительно ее кинул, пошел по следам папаша, с той лишь разницей, что ему не пришлось отнимать у нее ребенка.

Надо было сразу понять, что такие, как этот полукуровка, выживают в любых обстоятельствах.

Оттолкнув голограмму виртуального управления ноутбуком, он поднялся так резко, что кресло отъехало в сторону. В последнее время не получалось держать себя в руках, да у кого бы получилось? Драконья кровь кипела в жилах, а осознание того, что все было насмарку — все: и дурь Мелоры, и Гарренджер, и налет в Зингсприде, просто сводило с ума.

Ведь он рисковал. Каждый раз рисковал, включаясь в эту опасную игру, — пусть даже его детское увлечение давно переросло в профессионализм. Впервые он понял, что может взломать любую систему и сделать так, что никто ничего не заметит, еще в детстве. Ему было одиннадцать, тогда еще были живы и мать и отец, а началось все со школьной базы данных, где надо было удалить таблицу успеваемости.

Ему давались далеко не все дисциплины, и хотя в других он был лучшим, отцу все равно было недостаточно. За минус в балле он в лучшем случае получал головной убой, а в худшем — трепку, после которой пару дней толком не мог сидеть. Когда страх перед оценками преодолел границу страха быть разоблаченным, он впервые стер данные. Безнаказанно.

Эти кретины из школьных информационных систем разводили руками и говорили, что кто-то из старшеклассников здорово заплатил кому-то, чтобы такое сделать.

Знали бы они, кто их уделал, удавились бы от осознания собственной неполноценности, но они не знали. Так и объявили виноватым одного красавчика, который допустил большую ошибку: позволил себе поцапаться с директрисой по поводу несправедливо выставленных низких баллов. А потом поругался с расследующей дело комиссией, за что был исключен из школы и спился за пару лет.

Так ему и надо.

Он терпеть не мог всех этих лощеных мальчиков, к ногам которых девчонки просто штабелями укладывались. Его они просто не замечали, но это осталось в прошлом. Сейчас все по-другому.

Сцепив пальцы до хруста, он подошел к окну. Неизменная панорама, открывавшаяся с высоты офиса, немного успокаивала.

Немного.

Его, гения информационных технологий, никто не обыгрывает. Никогда.

Тот случай в школе стал первым успехом, и успех впоследствии продолжался. Именно он влез в систему управления флайсом отца и уронил его с высоты на горный хребет. За все, что он сделал. За всю его жестокость, за все его пренебрежительно-снисходительные взгляды, за это гадливое выражение лица, когда отец говорил, что сил в нем не хватит, даже чтобы виара толком построить.

К сожалению, он не знал, что с ним была мать.

Ее он убивать не хотел. Правда не хотел и по-своему любил... отчасти. Потому что эта вялая, не смеющая даже толком открыть рот в присутствии отца женщина никогда за него не вступалась.

Как бы там ни было, именно та ситуация научила его все проверять и перепроверять, перед тем как действовать. Конечно, всегда случаются форс-мажоры, но многое можно предусмотреть, предугадать и просчитать. Если действовать разумно, любую ситуацию можно переиграть и обернуть себе на пользу.

Сейчас, главное, не торопиться.

Несколько глубоких вдохов и выдохов стянули зрачки в тонкие точки, ледяная корка на ладонях начала таять.

Да, все, что ему нужно сейчас, — это время.

Пусть даже его не так много: выборы уже совсем скоро, и кандидатуру Джермана приняли к рассмотрению.

Стоило об этом подумать — и спокойствия как не бывало. По стеклу поползла паутина инея, в глазах полыхнуло пламя. Нет, надо же додуматься — полукровку, этого дерьмового недоноска посчитать достойной кандидатурой! Это его должны были предложить взамен впавшего в кому дядюшки.

Рычание и хруст привели в себя.

Ромбовидный светильник превратился в ледяной пласт и осыпался крошкой к его ногам. Глядя на тающие в воздухе искры-кристаллики, он плотно сжал ладонь, унимая пульсирующее на ладони пламя, а потом резко направился к дверям.

— Единственный Гранхарсен, которого я уважал, сейчас в больнице.

— Ты мне предлагаешь расплакаться или самоуничтожиться?

Ненавистный Ландерстерг и еще более ненавистный полукровка застыли друг напротив друга в его приемной. Девица-секретарь цветом лица напоминала вечно заснеженную верхушку пика Рохт. Заметив его, Ландерстерг сверкнул потемневшим взглядом и вышел.

Этот заносчивый гад напоминал ему того самого красавчика, которого исключили из школы, с той лишь разницей, что тот вообще был человеком. При всем при этом смотрел свысока, и во взгляде его читалось: «На что ты вообще способен, малювка?»

И где он сейчас?!

— Не переживай, кузен. — Полукровка хлопнул его по плечу. — У некоторых чувство собственной значимости эту самую значимость перевешивает.

Его передернуло, но он изобразил подобие улыбки. Смотреть на Джермана Гроу было невыносимо: явился сюда со своей небрежной прической, напрочь игнорируя принятый в компании дресс-код, и все девицы пускали по нему слюни. Даже эта идиотка из его приемной.

— Пойдем в кабинет? Или так и будешь на меня любоваться?

Не найдя в себе сил ответить что-то, что его сейчас не выдаст, указал в сторону дверей. Он мог бы размазать его, просто выпустив огонь, который собирал так долго, всю свою мощь. Практически щелчком пальцев, но это разрушило бы все, к чему он так долго шел. Поэтому сейчас он будет притворяться столько, сколько придется, и будет на стороне Гроу до тех пор, пока не настанет время нанести удар.

Какой — он пока еще не решил.

В ту самую минуту, когда он об этом подумал, телефон недоноска взорвался мелодией.

Какой-то роковой композицией, которую тот сам в свое время напел в дерьмовом мюзикле под названием «Мир без тебя» — высшая степень самолюбования. Что ж ему не сиделось на месте, если все его амбиции сводились к таким вот постановочкам, от которых большинство нормальных людей просто тошнит.

— Да, Сиб. Как добралась? Отлично. У нас тут самый разгар веселья. — Гроу приподнял бровь. — Серьезно? Надеюсь, на выходные у тебя получится вырваться. Целая неделя без тебя — это кошмар.

Надо будет последить за ней. Послушать их разговоры. Насколько он помнил, у них было сочетание огней.

— Я тоже тебя целую. Удачи на съемках.

Полукровка нажал отбой и посмотрел на него.

— Даже не представляешь, какая это задница, когда твоя будущая жена — актриса.

Гроу прошел в кабинет, и он последовал за ним.

Так, будто это был не его кабинет, а этого недоноска!

В мыслях крутилось что-то очень важное, что-то такое, едва осязаемое, едва уловимое, и пока он не мог понять что. Но ничего, в самое скорое время он со всем разберется. Гроу еще пожалеет, что сунулся на его территорию, очень сильно пожа-

леет. Сидел бы в Аронгаре с этой своей Танной Ладэ и в таэран — остался бы жив, а так повторит участь своего папаши...

Папаша!

Вот оно. То самое, что он упустил.

Мимо Гроу прошел, с трудом сдерживая улыбку. Нет, он не будет убивать его.

Сам.

Он сделает все иначе.

Устроившись в кресле, сцепил руки на столе.

— Зачем ты хотел меня видеть?

ГЛАВА 3

Павильон встретил меня непривычно бодрой суетой и совершенно новыми декорациями. Учитывая, что нам предстояло снимать с конца (эта часть сценария была проработана быстрее всего именно за счет того, что изменения в ней были минимальные), я даже не удивилась.

— Танни!

— Привет!

— Танни!!!

Меня встречали чуть ли не как народного героя (ладно, героиню), из-за чего я чувствовала себя несколько стремно. Новость о Лархарре распространялась, как пожар под ураганным ветром, я же считала, что ничего особенного не сделала. Разве что исправила свой косяк, и на этом предпочла бы тему свернуть. Потому что мысли о Ферверне и об отце Гроу сейчас точно были лишними.

Преодолев поток приветствий и дружеских обнимашек (надо признаться, я по ним скучала), я наконец прорвалась в примерную, где Гелла с ассистентками уже дожидались меня.

— Соскучились? — поинтересовалась я, сбрасывая сумку.

— Безумно, — проникновенно ответила Гелла. — Падай.

— Ох ты ж драконья...

Я не сдержала восхищенного возгласа. Наряд, который тоже меня дождался, был не просто красивым, он был роскошным. Тонкая ткань, струящаяся, парящая, украшенная каплями переливающихся речных жемчужин. То есть в оригинале были речные жемчужины, а это что такое, я понятия не имела, но выглядело оно круто. И очень, очень, безумно дорого.

Гелла кашлянула, заправляя за ухо отросшую прядь бирюзового цвета в тон бабочке-татуировке.

— Впечатлилась? Теперь падай.

— Оно крутое, — сказала я, не в силах отвести взгляд от платья, к которому еще полагалось много всего.

— А то. Не каждый день Ильеррская замуж выходит.

Я икнула и все-таки села на стул, где за меня тут же взялись с подобающим рвением.

— Как себя чувствуешь после перерыва?

Гелла явно была настроена поговорить, и я в общем-то тоже. Потому что, несмотря на кучу принятых мной умных решений, меня сейчас все равно потряхивало. В частности, я не представляла, как мы сработаемся с Джамирой. Нет, она показалась мне адекватной, но мне многие по жизни казались адекватными.

— Отлично. А ты?

— Я еще не поняла. Расскажи лучше, как тебе удалось найти общий язык с Гайером.

— Да я в общем-то не находила, — пожала плечами, — мы с ним просто синхронно расстроились по поводу заморозки Ильеррской, а потом я взяла его на слабо.

Гелла фыркнула, отставляя флакон, и кивнула ассистентке, которая тут же метнулась за каким-то очередным хитрым средством. Если честно, я даже не представляла, что это такое, но подозревала, что благодаря всем нанесенным на меня слоям макияжа пару килограммов набирала точно.

— Скоро мы едем в Лархарру.

— Как скоро?

— Понятия не имею. Там пока все утрясают, но ходят слухи, что в ближайшее время. Джамира тоже не горит желанием с этим затягивать, потому что съемки в другой стране — это лишняя попаболь. К тому же там еще должны согласовать график с новым постановщиком трюков, его в срочном порядке выдергивают с какого-то проекта. То есть не выдергивают, ему придется совмещать, но все это тоже надо как-то урегулировать.

«Высотные трюки и сцены с огнем тоже ставлю я. И исполняю заодно».

Эти воспоминания оказались совершенно точно не в тему, и я затолкала их туда, где обычно случается боль при съемках в другой стране.

— Круто, — ответила я, чтобы что-то ответить.

— Глаза закрой.

Я закрыла.

— Просто хочу сказать, что ты молодец, Танни.

Я поперхнулась и открыла глаза так резко, что чуть не получила в один из них кисточкой.

— А вот сейчас не молодец! — рявкнула Гелла.

— Прости, когда ты милая, я немного пугаюсь.

— Учись бороться со своими страхами. И глаза закрой.

Я снова закрыла и снова подумала о трюках. Гроу обещал трюки мне, но получается, что в Лархарре у меня все-таки будет дублераша (с Джамирой у нас никакой договоренности не было). Ладно, проведу это время с пользой: буду смотреть, как другая вместо меня прыгает в Огненное кольцо, потягивать сладкую шипучку и заедать прожаренным до хруста беконом. Можно еще заполировать замороженным кремом со вкусом лица для полного счастья.

При мысли о гастрономических изысках в животе заурчало. То ли мой организм перестроился, то ли ночной обжор с Бэрри (я ела пиццу, она — вяленое мясо, потом она ела пиццу, а я вяленое мясо) требовал продолжения, но есть мне захотелось дико.

— Можно Лиру позвать, а? — попросила я, не открывая глаз.

— Уже можно.

— Девочки?

Одна из помощниц Геллы кивнула и исчезла за дверью.

— Что такое? — поинтересовалась гример. — Наверх смотри.

— Есть хочу, — печально призналась я. — И пока ты не взялась за губы...

— Ты же раньше по утрам не ела.

— Все мы меняемся.

— Но учти: есть тебе придется быстро.

— Я на все согласна, — вздохнула и обернулась, когда за спиной открылась дверь.

Впрочем, можно было не оборачиваться: вошедшие все равно отражались в зеркалах. В данном случае вошедшая.

— Привет, Танни. — Сибрилла прошла в гримерную и осталась рядом со мной. — Надо поговорить.

Да, это определенно именно то, чего мне не хватало для полного счастья.

— Мне не надо, — сказала я и отвернулась.

— Надо мне.

— У тебя своя гримерная, можешь там говорить, сколько захочешь. И вообще мы делом заняты, если ты не заметила.

— Дело подождет. — Она посмотрела на Геллу. — Выйди. И вы тоже.

Последнее относилось к девочкам-ассистенткам, но прежде чем Гелла успела ответить в своем духе, ответила я. Развернувшись, спрыгнула со стула, оказалась с ней лицом к лицу. Не будь у Сибриллы извечных каблуков, она была бы ниже, но не судьба.

— Слушай, я не в курсе, как ты здесь оказалась. Хотя, судя по тому, что все-таки оказалась, тебя жаба задушила платить неустойку. Мы делаем одно дело, это я понимаю, и я собираюсь выложиться на сто процентов. От тебя требуется одно: вне съемочной площадки ко мне не лезть. Все, что ты хочешь мне сказать, скажешь через Хеллирию. Мы друг друга поняли?

Она была идеальна. Нет, я с удовольствием нашла бы в ней недостатки, перечислила и сложила в уголок памяти, чтобы себя успокоить, но их не было. От нее веяло ледяной силой, от шелкового инея волос — естественностью и красотой, в голубых глазах совершенно точно не было линз, а платье подчеркивало тонкую талию и высокую грудь. При мысли о том, что эту самую грудь лапал Гроу, потемнело в глазах. Нехорошо так потемнело, поэтому я буквально за волосы вытащила себя в реальность, чтобы не сделать ничего лишнего. Хватит уже, надевалась.

— Хорошо, — сказала она. — Я поняла.

— Отлично, — подтвердила я. — До встречи на съемках.

И развернулась к ней спиной, вообще развернулась так, чтобы ее не видеть, что достаточно проблематично в комнате, где полно зеркал. Цокот ее каблуков отдавался ударами в сердце, пока она шла к двери. Это самое сердце бухало в груди так, что заглушало все остальное, я с трудом вернула себя на стул и уставилась на свое отражение.

— Я уже говорила, что ты молодец? — поинтересовалась Гелла.

— Ты в курсе, что она должна была вернуться?

Сейчас, после ее ухода, меня слегка потряхивало. Внутри. Но внутри не страшно, правда?

— Нет. — Гелла покачала головой. — Думаю, это решилось в последний момент.

Я глубоко вздохнула: